

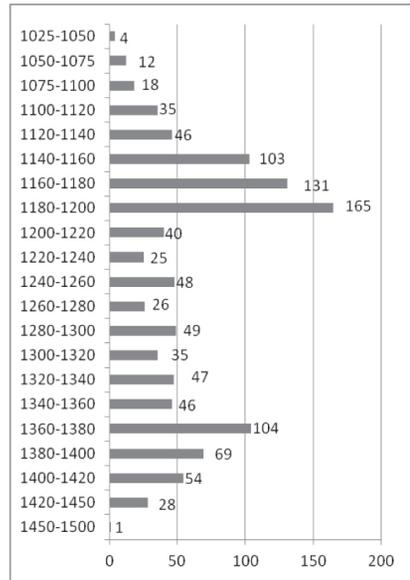
Тимофей Валентинович ГИМОН

Институт всеобщей истории РАН (Россия, Москва)
guimontv@mail.ru

«Кризис XIII века» в Новгороде: берестяные грамоты и летописание*

По данным на конец 2019 г. в Новгороде была открыта 1121 берестяная грамота XI–XV вв. Хронологическое распределение этих документов выглядит так:

Диаграмма 1. Хронологическое распределение новгородских берестяных грамот

Приведенная диаграмма составлена мной¹, однако аналогичные графики или таблицы публиковались и ранее (отражая грамоты, обнаруженные на момент составления) [Коновалов 1966: 63; Зализняк 2002: 608; Ворт 2006: 4, рис. 4; Schaeken 2012: 216–219, fig. 3, 5–6; 2018: 28, fig. 6], и не раз ученые обращали внимание на то, что в XIII в. число документов заметно падает в сравнении с предшествующим периодом. Как объясняли и каким точно временем датировали этот «кризис XIII века»?

Уже в 1966 г., на графике, составленном А. А. Коноваловым, был замечен спад, приходящийся на ярусы 15 и 14, т. е. на время после 1224 г. Исследователь связал этот спад с монгольским нашествием и нападениями с запада, голодом 1215–1216, 1229–1230 и 1251 гг., конфликтами между Новгородом и князьями. Все эти факторы, по словам Коновалова, «привели не только к физическому истреблению значительной части новгородцев, но и к серьезным экономическим затруднениям. Характерно, что с 1240 и до 1292 г. в Новгороде не было построено ни одной каменной церкви». Рост числа грамот ближе к концу XIII в. Коновалов связал с активизацией международной торговли и

* Статья написана в рамках проекта «Бытовые рунические тексты Скандинавии и древнерусские берестяные грамоты: Сравнительное исследование», поддержанного РФФИ (№ 18-09-00519а, совместно с Е. А. Мельниковой). Благодарю Ю. А. Артамонова, М. М. Дробышеву, Е. А. Мельникову и С. М. Михееву за замечания.

¹ Диаграммы 1, 2, 4 и 5 составлены на основе базы данных www.gramoty.ru, где каждый документ имеет «условную дату» (обычно — до двадцатилетия), в свою очередь являющуюся неким стандартизированным обобщением стратиграфической даты и данных внестратиграфического датирования (т. е. палеографии, языка и формуляра, методика разработана в [Зализняк 2000]).

укреплением республиканской государственности Новгорода [Коновалов 1966: 62–65, цит. с. 65].

Д. Ворт в работе 1990 г.² констатировал спад числа берестяных грамот, приходящийся на середину XIII в.³ Ученый отметил, что на XIII в. приходится постепенная смена адресных формул, характерных для берестяных писем, т. е. «спад» XIII в. как бы разграничивает две эпохи: раннюю и позднюю [Ворт 2006: 243–246, 250–251]. Кроме того, ученый построил диаграмму, отражающую объем погодных статей Новгородской I летописи, и снова констатировал заметный спад в середине XIII в. [Там же: 248–249, рис. 5 на с. 249]. По мнению Ворты, «середина XIII столетия была временем упадка письменности, периодом культурной стагнации». Такой упадок может объясняться только «уменьшением числа пишущих или уменьшением числа поводов для этого занятия. По-видимому, в данном случае оба фактора сыграли свою роль» [Там же: 248]: первый — как результат голода 1230 г., второй — как следствие экономического спада, в свою очередь вызванного монгольским нашествием и выплатами дани Орде [Там же: 248, 250]. Еще одним фактором Ворт считает «политический застой» в те четыре года, которые Александр Невский провел в ставке Батыя [Там же: 250].

В. Л. Янин отметил резкое уменьшение концентрации берестяных грамот на Троицком раскопе (Людин конец) в слоях XIII в. в сравнении с XII в. Ученый связал это с изменением характера населения усадеб, исследованных на Троицком раскопе. До начала XIII в. здесь проживали представители могущественного клана посадника Мирошки Нездинича и Мирошкиничей, который был разгромлен в ходе событий 1207 и 1216 гг. [НГБ IX: 3–4, 16–17; Янин 2003: 173–174; 2008: 99]. По сообщению Новгородской I летописи, в 1207 г.⁴ новгородцы «створиша вѣче на посадника Дмитра (Мирошкиничя. — *Т. Г.*) и на братью его, яко ти повѣлѣша на новгородцихъ сребро имати, а по волости куры брати, по купцемъ виру дикую, и повозы возити, и все зло; идоша на дворы ихъ грабежьмъ, а Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житие ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изискаша и поимаша бе-щисла, а избытъкъ роздѣлиша по зубу, по 3 гривнѣ по всему городу, и на щить; аще кто потаи похватилъ, а того единъ богъ вѣдаеть, и от того мнози разбогатѣша; а что на дѣщькахъ, а то князю оставиша». Следующей весной «цѣловаша новгородци честньи хрестъ, око “не хочемъ у себе държати дѣтии Дмитровыхъ, ни Володислава, ни Бориса, ни Твърдислава Станиловиця и Овьстрата Домажировиця”; и поточи я князь къ отцю, а на инѣхъ сребро поимаша бещисла» [НПЛ: 51]. В 1211 г. территория раскопа пострадала в разрушительном пожаре [НПЛ: 52; Янин 2003: 173]. Наконец, 3 марта 1216 г. «побѣгоша

² Опубликована по-английски в 1990, см. русский перевод: [Ворт 2006].

³ Д. Ворт использовал данные об археологических ярусах, ограниченных с двух сторон дендродатами мостовых; диаграмма Ворты отражает среднее число грамот на один год для каждого яруса. Данные Ворты таковы: 1197–1224 гг. — 2,44 грамоты; 1224–1238 гг. — 1,86; 1238–1268 гг. — 0,57; 1268–1281 гг. — 2,08; 1281–1299 гг. — 1,39 [Ворт 2006: 246–247, рис. 4 на с. 247].

⁴ Об этих событиях рассказывает летописная статья 6717 (т. е., по простому пересчету, 1209) года, однако в историографии, вслед за [Бережков 1963: 255], утвердилась дата 1207 г., что и мне представляется корректным. Анализ этих событий с историографическими отсылками см. также: [Фроянов 1995: 369–397].

къ Ярославу прѣступници кресту... Володиславъ Завидиць, Гаврила Игоревичъ, Гюрги Ольксиниць, Гаврильць Милятиниць, и съ женами и съ дѣтьми» [НПЛ: 55], что означало окончательное падение людинской группировки боярства [Янин 2003: 173–174].

По мнению В. Л. Янина, после событий 1207–1216 гг. не только уменьшается число грамот Троицкого раскопа, но меняется характер использования самих усадеб: «после выдворения Мирошкиничей с их усадеб принадлежащие этому боярскому клану дворы не были освоены другими боярами, а использовались как общественная территория для размещения на ней разного рода административных институтов» [НГБ IX: 17; то же см.: Янин 2003: 174; 2008: 99]. В издании грамот, найденных по 1989 г., Янин отмечал, что два из троицких документов XIII в. (№ 636 и 704) «посвящены не частным заботам, а государственному делу, будучи связаны с военной пограничной службой и адресованными посаднику» [НГБ IX: 16].

А. А. Зализняк, специально не останавливаясь на этом вопросе, связал резкое уменьшение числа грамот в XIII в. «с новой политической и экономической ситуацией» [Зализняк 2002: 610]. При этом на графике, составленном ученым (отражает грамоты, открытые по 1999 г.: [Там же: 608]), резкий спад приходится на начало XIII в., а не на время монгольского нашествия, как у Д. Ворта.

Й. Схакен тоже констатирует резкий спад числа берестяных грамот в начале XIII в. (а не в 1230–1240-х годах, как у Д. Ворта). Голод 1230 г. и монгольское нашествие, следовательно, только усугубили кризис, но не были первоначальными его причинами [Schaeken 2012: 222–223]. Схакен справедливо возражает Варту в том, что касается сопоставления числа грамот с объемом статей новгородской летописи: ссылаясь на А. А. Гиппиуса, Схакен пишет о том, что снижение летописной активности в середине XIII в. вызвано совершенно конкретными обстоятельствами и вряд ли может быть как-то связано с общим кризисом новгородской жизни [Гиппиус 2006: 214; Schaeken 2012: 218–219]. Согласившись с Яниным в том, что касается Троицкого раскопа, Схакен, тем не менее, предположил, что общее снижение числа грамот после начала XIII в. (в том числе и на Неревском раскопе) могло быть вызвано и другими причинами. Ссылаясь на Е. А. Рыбину и И. В. Волкова, ученый говорит о том, что на начало XIII в. пришелся кризис международной торговли, в свою очередь вызванный такими обстоятельствами, как крестоносная и шведская экспансия в Прибалтике и разгром крестоносцами Византии. В частности, Схакен отсылает к построенному И. В. Волковым графику распределения фрагментов амфор в Новгороде, на котором, как и в случае с берестяными грамотами, виден подъем конца XII в. и спад начала XIII в. [Schaeken 2012: 220–223; 2018: 29–30]. Ссылаясь на Е. А. Рыбину, Схакен отмечает, что в грамотах XII в. есть упоминания о торговле с отдаленными городами и даже странами, тогда как в XIII в. таковые исчезают [Schaeken 2018: 29]⁵. По словам

⁵ Е. А. Рыбина [2001: 91] отметила, что к XII в. относятся 13 документов с упоминанием русских городов за пределами Новгородской земли, на XIII в. — 2 (и оба связаны с военными, а не торговыми делами), а на XIV–XV вв. — ни одного.

исследователя, кризис берестяной письменности был вызван «внутригородскими конфликтами в Новгороде, возможно, в комбинации с более широкими политико-экономическими явлениями» [Schaeken 2012: 223]. Исследователь формулирует свои выводы достаточно осторожно, поскольку, как он сам пишет, наиболее заметным спад начала XIII в. является именно на Троицком раскопе, тогда как на другом крупном раскопе — Неревском — этот спад, хотя и прослеживается, не является столь уж сильным [Ibid.: 218–219, fig. 5–6]⁶.

Подведу промежуточный итог. Гипотеза В. Л. Янина касается только материалов Троицкого раскопа и основывается на примерном совпадении по времени, с одной стороны, известного по летописи разгрома людинской боярской группировки, а с другой — резкого уменьшения числа берестяных грамот на усадьбах этого раскопа. По мере дальнейшего исследования Троицкого раскопа последнее стало еще более очевидным:

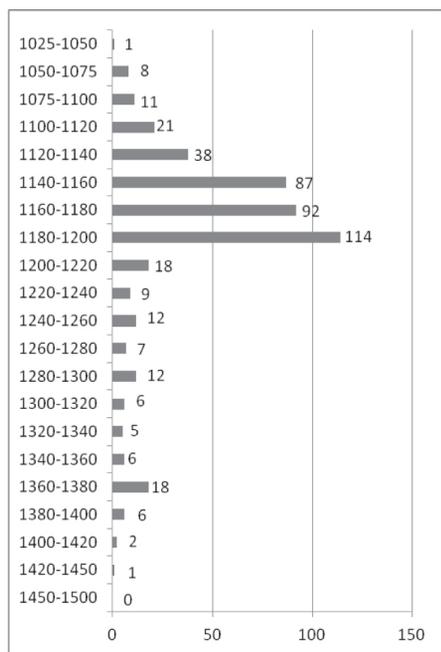

Диаграмма 2. Хронологическое распределение берестяных грамот Троицкого раскопа

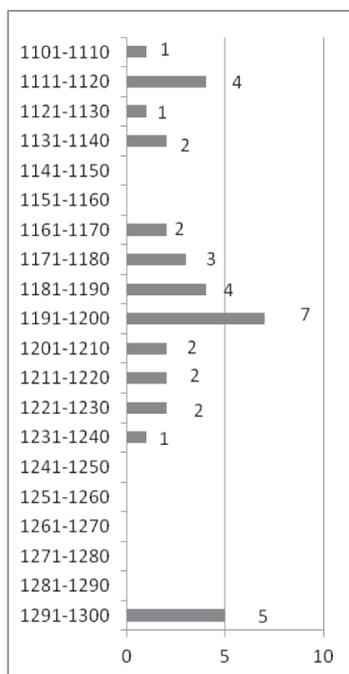
Итак, падение числа грамот в начале XIII в. на Троицком раскопе разительно, а объяснение, предложенное Яниным, вряд ли может быть поставлено под сомнение.

Это, однако, не означает автоматически, что предположения А. А. Коновалова, Д. Ворта и Й Схакена, касающиеся кризисных явлений в Новгороде в целом, ошибочны. Важно понять, в какой степени спад XIII в. фиксируется за пределами Троицкого раскопа, а если да, связан ли он, скорее, с событиями начала XIII столетия или 1230–1240-х годов.

Начну с соображений общего характера. Негативное влияние на жизнь Новгорода таких факторов, как кризис международной торговли начала XIII в., голод 1230 г. и монгольское нашествие, несомненно. Так, спад торговых связей Новгорода в XIII в. фиксируют графики находок целого ряда предметов, связанных с внешней торговлей [Рыбина 2001: 68–91] (исследовательница связывает спад главным образом с монгольским нашествием, а не с более ранними событиями [Рыбина 2001: 69, 71, 79, 87, 91]).

⁶ «Может быть, спад (на Неревском раскопе. — Т. Г.) слишком мал, чтобы основывать на нем какие-либо выводы», а может быть, — допускает Схакен, — он тоже как-то связан с кризисом, который столь драматично отразился на грамотах Троицкого раскопа [Schaeken 2012: 222].

Диаграмма 3. Закладка каменных церквей в Новгороде в XII–XIII вв.

«Кризис XIII века» хорошо виден на примере строительства каменных церквей. На диаграмме 3 отражено число закладок каменных церквей в Новгороде и его ближайших окрестностях на каждое десятилетие XII и XIII столетий⁷: мы видим ярко выраженный пик конца XII в., спад в начале XIII в. и полный перерыв после монгольского нашествия (на последний, как уже упоминалось, указывал А. А. Коновалов).

О том, что вторая половина XII в. была для Новгорода временем относительного благополучия, а первая половина XIII в. — наоборот, кризиса, свидетельствуют и данные о социальных катаклизмах. Между 1130-ми и 6717 (1209, скорее — 1207) гг. новгородская летопись не сообщает ни об одном крупном внутриновгородском столкновении, в ходе которого погибло бы много людей или были бы разорены дворы⁸. Во второй половине 1200-х – 1220-х гг., наоборот, видим полосу ожесточенных внутриновгородских конфликтов⁹, проявившуюся даже в беспрецедентной борьбе за архиепископскую кафедру¹⁰. Собственно, разгром людинского боярства, приведший к упадку усадеб Троицкого раскопа, и был одной из составляющих этого кризиса. Сообщения о голодных годах и дороговизне в летописных статьях второй половины XII в. тоже присутствуют¹¹, но они не столь уж часты и лишены тех трагических подробностей и драматизма, которые свойственны рассказам 6636 (1128), 6723 (1215) и 6738 (1230) гг.

Однако механизм влияния этих кризисных явлений на берестяную письменность всё-таки не совсем очевиден. Выше уже цитировалось наблюдение Е. А. Рыбиной и Й. Схакена об уменьшении в XIII в. числа грамот, непосредственно связанных с дальней торговлей. Но ведь на протяжении XII в. при-

⁷ Все сведения и даты — по Новгородской I летописи. В редких случаях, когда летопись не сообщает дату закладки храма, я учитывал дату окончания строительства/освящения. Те редкие случаи, когда о строительстве каменной церкви летопись вообще не упоминает (см. отсылки: [Гимон 2003: 337–338]), здесь не учтены.

⁸ В 1157 г. такое столкновение назревало, но до кровопролития дело не дошло: «малы же и крвыи не прольаша межн собою... и сънидошася братья, и не бысть зла ничто же» [НПЛ: 30]. Под 1141, 1167, 1186 гг. летопись сообщает об убийстве или иных действиях против конкретных новгородцев, но не о масштабных внутренних столкновениях.

⁹ В статьях 1209, 1215, 1218, 1220 (в этом году не дошло до столкновений), 1228, 1230 гг.

¹⁰ См. сообщения в статьях 1211, 1218, 1219, 1220, 1223, 1225, 1228, 1229 гг.

¹¹ Под 1161, 1170, 1188 («нь божию милостию не бысть пакости въ людьхъ» [НПЛ: 39]). Под 1158 г. сообщается о море с многочисленными жертвами.

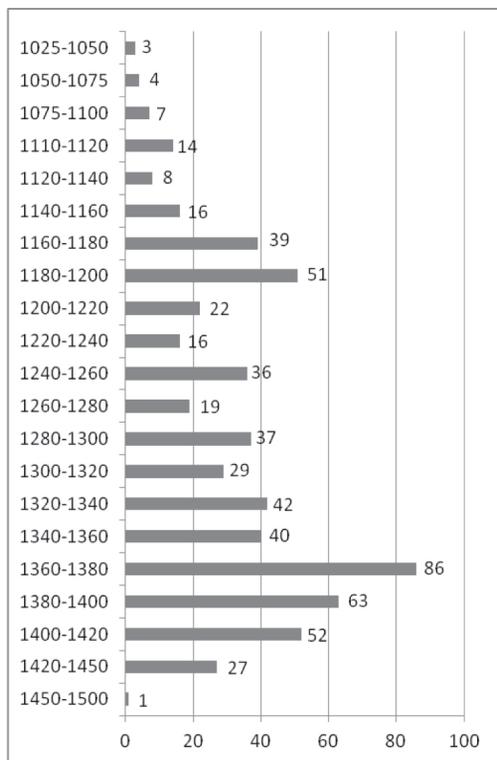

Диаграмма 4. Хронологическое распределение новгородских берестяных грамот (исключая Троицкий раскоп)

вычка составлять документы на бересте настолько укоренилась у какой-то (видимо, не столь уж маленькой) части новгородского общества, что мы видим такие тексты, как хозяйственные инструкции членам семьи, письма и записи, касающиеся денежных дел, но при этом совсем небольших сумм, любовные записки и мн. др. Как кризис мог повлиять на составление таких документов? Депопуляция была настолько велика, что сказалась на числе писавшихся грамот? В условиях кризиса стали меньше учиться грамоте (тогда эффект должен был

бы быть отложенным)? Кризисные явления способствовали падению культурного уровня, возвращению к более примитивным формам коммуникации?

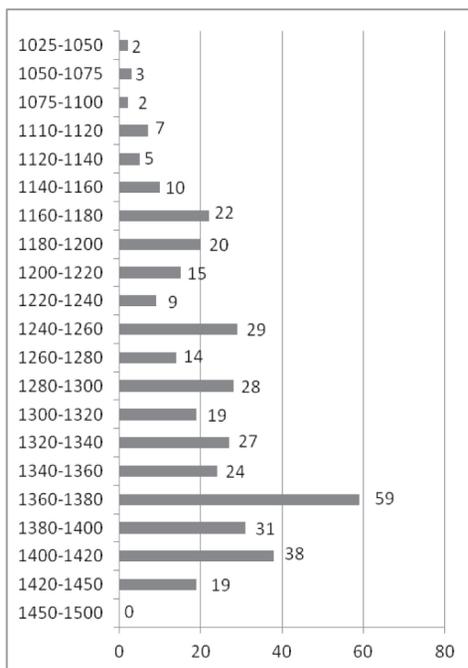
Снова обратимся к конкретному материалу. На диаграмме 4 отражено хронологическое распределение новгородских берестяных грамот из всех новгородских раскопов, кроме Троицкого.

На этом графике тоже наблюдается пик конца XII в. Но надо отметить, что из 51 грамоты с условной датой «1180–1200» 14 документов (№ 449–462)¹² происходят с небольшого Тихвинского раскопа (в Неревском конце), работы на котором осуществлялись в 1969 г. Эти 14 грамот получили стратиграфическую дату «последняя четверть XII в.» и, соответственно, в базу данных попали под условной датой «1180–1200». Они найдены «на сравнительно небольшом пространстве», в квадратах, расположенных «узкой полосой вдоль дворовой вымостки, ведущей в поварню» [Янин 1978: 126]. Таким образом, речь идет, скорее, о конкретной археологической удаче, нежели о свидетельстве расцвета берестяной письменности в Новгороде последней четверти XII в., тем более что эта сравнительно узкая датировка не является твердой¹³.

¹² В действительности, скорее всего, 12, так как фрагменты № 455, 457 и 459 предположительно являются частями одного документа [см.: НГБ XII: 243]. В. Л. Янин [1978: 126] первоначально отнес к этой же группе грамоту № 448, но в корпусном издании она фигурирует с датой «начало XIII в.» [НГБ VII: 49], а в базе данных — «1220–1240».

¹³ Так, в корпусном издании все эти грамоты имеют стратиграфическую дату «XII в.» [НГБ VII: 51–57]. Тихвинский раскоп исследовался экстренно и не был доведен до материка. На его территории нет мостовых, а значит — надежной дендрохронологии. Хронология ярусов раскопа выстроена на основании косвенных соображений и сопоставлений с близлежащим Нерев-

Диаграмма 5. Хронологическое распределение берестяных грамот Неревского раскопа

Как бы то ни было, имеет смысл составить аналогичную диаграмму отдельно для Неревского раскопа — большого и обильного грамотами, но не пережившего в интересующее нас время катаклизма, подобного тому, что случился на Троицком раскопе.

На этой диаграмме пика конца XII в. уже нет. Наблюдающийся на диаграммах 4 и 5 небольшой подъем 1240–1260 гг. отчасти связан со знаменитой удачей археологов: на усадьбе И Неревского раскопа был открыт комплекс грамот мальчика Онфима (12 грамот, № 199–208, 210, 331). В целом же диаграммы 4 и 5 демонстрируют снижение числа грамот в XIII в. в сравнении со второй половиной XII в., хотя далеко не столь разительное, как на Троицком раскопе.

Все берестяные грамоты можно разделить на две большие категории: письма и неэпистолярные тексты (деловые записи, ярлычки, молитвы, заговоры и мн. др.). Если построить диаграммы отдельно для этих двух категорий документов (и при этом — без учета Троицкого раскопа, причины снижения числа грамот на котором нам и так ясны), картина оказывается совершенно разной.

Диаграммы 6 и 7¹⁴ показывают, что с начала XIII в. заметно уменьшается интенсивность берестяной *переписки*, тогда как использование бересты для прочих целей подобного упадка не переживает. Таким образом, объяснения требует именно упадок берестяной *переписки*, а не письменности на бересте вообще.

Обратимся теперь к новгородскому летописанию. Выше я упоминал мысль Д. Ворта о синхронности кризиса берестяной письменности и летописания. Возражение Й. Схакена, тоже уже упомянутое выше, вполне справедливо. Но

ским раскопом (см.: [Янин 1978: 117–122]). Также В. Л. Янин отмечает, что в семи из этих грамот употреблен юс большой — буква, практически исчезающая в берестяных грамотах после начала XIII в. [Там же: 126]. По А. А. Зализняку, юс большой встречается примерно до 1240 г. [Зализняк 2000: 212–213, 276–277].

¹⁴ В отличие от предыдущих диаграмм, здесь я исходил из собственного определения жанра каждого документа, которое не всегда совпадает с приводимым в базе данных www.gramoty.ru. Сложение числа грамот на диаграммах 6 и 7 для каждого двадцатилетия не дает числа грамот для этого двадцатилетия на диаграмме 4, поскольку есть еще обширная категория фрагментов, для которых жанр документа определить невозможно.

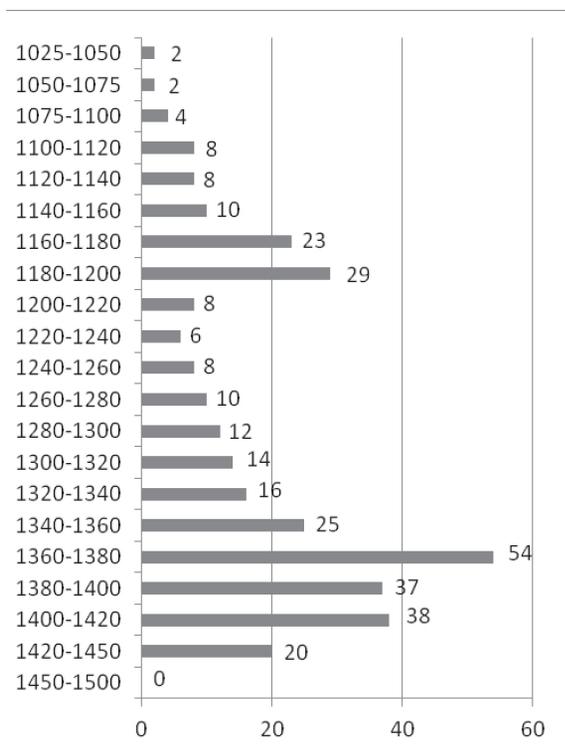

Диаграмма 6. Хронологическое распределение писем на бересте (без учета Троицкого раскопа)

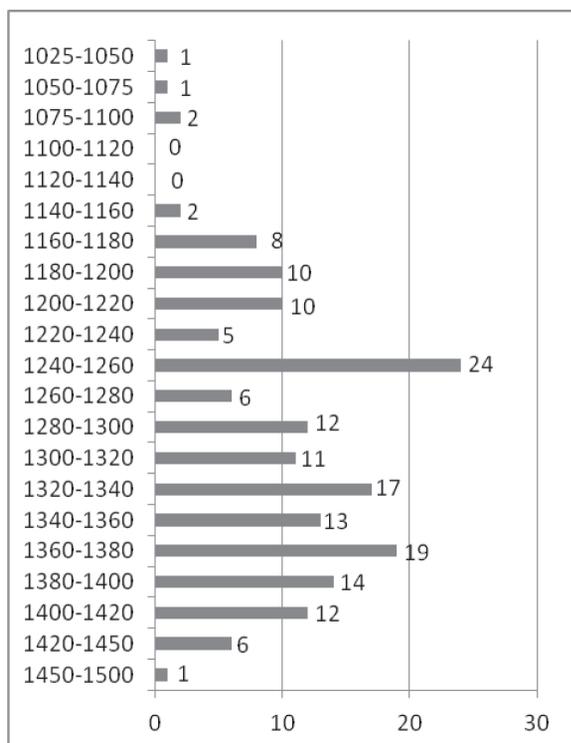

Диаграмма 7. Хронологическое распределение неэпистолярных берестяных текстов (без учета Троицкого раскопа)

сама идея сопоставить тенденции XIII в. в берестяной письменности и летописании видится плодотворной.

Новгородская владычная летопись и в XII, и в XIII в. велась, по всей видимости, достаточно систематично (из года в год), а ее текст — насколько можно судить, полностью или почти полностью — отразился в старшем и младшем изводах Новгородской I летописи и доступен для изучения¹⁵. В этом смысле новгородское летописание — это тоже весьма репрезентативный материал, позволяющий исследовать явления в их динамике.

Примерно на рубеже XII–XIII вв. новгородское летописание претерпевает ряд изменений. Во-первых, летопись теперь с меньшим вниманием следит за некоторыми категориями церковных событий: полностью исчезают известия о сменах игуменов новгородских монастырей (кроме главного — Юрьева); почти полностью — об основании монастырей (единственное известие такого рода читается под 1238 г. — впрочем, может быть, монастырей в Новгороде в XIII в. действительно почти не основывали); резко уменьшается число сообщений о сооружении деревянных церквей [Гимон 2017: 182].

Во-вторых, с начала XIII в. в летописи появляется новая информация, которой не было ранее. Так, в это время впервые встречаются известия о смертях лиц, не занимавших на момент смерти общеновгородской должности (посадника и т. п.), но при этом бывших, насколько можно судить, лидерами боярства одной из территориальных группировок (кончанскими старостами?¹⁶): Мальшевичей (под 1207, 1243 и 1249 гг.), Михалка Степановича (1206 г.), Внезда Водовика (1231 г.), Анании (1257 г.) [Гимон 2006а: 302–304]. Становятся частыми перечисления послов (иной раз, может быть, заложников), представлявших Новгород в отношениях с князьями. В ряде случаев число этих лиц равно трем или шести (в 1215 [дважды], 1217, 1224, 1229, 1236, 1273 гг.), и зачастую можно уверенно утверждать, что они представляли три основных территориальных группировки Новгорода: прусскую, неревскую и славенскую. Наиболее очевидно это в сообщении 1236 г.: «поимя съ собою новгородци вятшихъ: Судимира въ Славнѣ, Якима Влунковича, Косту Вячеславича» [НПЛ: 74]. Про Судимира прямо сказано, что он представлял Славно; про Якима и Косту мы знаем, что они были связаны, соответственно, с Прусской улицей и Неревским концом; связь послов с разными внутриновгородскими группировками можно проследить и в других случаях (см.: [Гимон 2006а: 310–313]). Оба эти наблюдения говорят об одном: летописцы в XIII в. стали уделять большее внимание представителям локальных групп новгородского боярства.

В-третьих, если в статьях XII в. летописцы никогда не высказывают политических суждений, отличных от позиции Новгорода как целого¹⁷, то в ста-

¹⁵ См. общие сведения о новгородском летописании: [Гиппиус 1999; 2006; Гимон 2005].

¹⁶ О том, что институт кончанских старост, вероятно, существовал уже в XII в., см.: [Гиппиус 2004: 179–180].

¹⁷ Единственное исключение приходится на самый конец XII в. (статья 1196 г.) и только подтверждает правило: слова о том, что, когда новгородцы изгнали Ярослава Владимировича, «жяляху по немь въ Новегороде добрии, а злии радовахуса» [НПЛ: 43], скорее всего, были занесены в летопись уже после возвращения князя в Новгород [Гимон 2005: 348–350].

тьях 6722–6728 (1214–1220) гг. выражение летописцем симпатий к одной из противоборствующих внутри Новгорода групп либо к одному из соперничавших князей на время становится нормой. Позднее летописцы снова становятся более умеренны и сбалансированы в своих оценках, хотя в целом эмоциональных комментариев к политическим событиям в статьях за XIII в. явно больше, чем в тексте за предыдущее столетие.

Наконец, в-четвертых, в XIII в. уменьшается, в сравнении с XII в., степень систематичности, единообразия в ведении летописи. Например, уже в начале XIII в. видим чересполосицу в использовании мартовского и ультрамартовского стилей. Она находит себе объяснение в борьбе Митрофана и Антония за архиепископскую кафедру [Гимон 2006б], однако примеры ультрамартовских дат встречаются в летописи и позднее, чередуясь с мартовскими [Бережков 1963: 262]. На протяжении XIII в. в летописании имели место длительные (по нескольку лет) перерывы [Гиппиус 2006: 214; Гимон 2006б; 2012: 503]. Сам объем погодных статей, будучи относительно стабильным в XII в., уже почти с самого начала XIII в. становится чрезвычайно разнообразным: очень пространственные статьи чередуются со сверхкороткими¹⁸.

Механизм влияния кризисных явлений в Новгороде начала XIII в. на летописание более понятен, чем в случае с берестяными грамотами. В 1210–1220-х годах имела место не знавшая прецедентов чехарда на архиепископской кафедре. Очевидно, именно она способствовала меньшей систематичности ведения *владычной* летописи, частой смене хронологических стилей, большей политизированности и «партийности» летописцев — размыванию характерной для них прежде позиции представителей *всего Новгорода*.

Однако как объяснить уменьшение интенсивности берестяной *переписки* новгородцев в это же время? При чем здесь борьба за архиепископскую кафедру, политическая нестабильность или экономический кризис? Мне представляется, что, возможно, ключ можно найти как раз в особенностях летописания, а именно в тех, что были упомянуты мною чуть выше под рубрикой «во-вторых»: во внимании летописцев к кончанским старостам и представителям городских группировок на переговорах с князьями. Предположу, что этот ключ — *разобщение* Новгорода.

Экономический кризис и/или логика внутреннего развития Новгорода привели к тому, что в начале XIII в. резко обострились противоречия между городскими территориальными группировками. Их противостояние, очевидно, имело место и в XII в. [Янин 2003: 166–173; Гиппиус 2012], однако в начале XIII в. оно достигло небывалой интенсивности. Достаточно сослаться на летописное описание конфликта 1218 г., когда «поидоша ониполовици и до дѣтии въ брѣняхъ, аky на рать, а неревляне такоже; а загородьци не вѣсташа ни по сихъ, ни по сихъ, нъ зряху перезора. Твьрдиславъ же... поиде съ Людинемъ концемъ и с пруси. И бысть сеця у городьныхъ воротъ...» [НПЛ: 58–59]. Ярчайшим проявлением этого кризиса стала борьба за архиепископскую ка-

¹⁸ Особенного смысла составлять диаграмму в данном случае нет: чтобы убедиться в сказанном, достаточно просто полистать факсимильное либо дипломатическое издание Синодального списка Новгородской I летописи [НХЛ 1964; НПЛ].

федру между сторонниками Митрофана и Антония. Можно предположить, что в этих условиях не только возросла значимость лидеров местных группировок (что отразилось в летописной фиксации их смертей и составов посольств), но и в целом, для всех новгородцев, мир стал более локальным. В условиях частых, нередко кровавых, конфликтов между городскими районами, каждый отдельный новгородец, надо думать, в большей степени стал ощущать себя членом локальной группы, и в меньшей — жителем Новгорода, воспринимая жителей других районов чаще не как сограждан, а как представителей враждебной общности¹⁹. Разумеется, эти изменения не могли быть абсолютными — и Новгород, конечно же, в итоге сохранил свое единство. Однако в условиях начала XIII в. не могла не снизиться интенсивность связей (любых — личных, хозяйственных и т. д.) между жителями разных районов. Активность новгородцев все более замыкалась в рамках своего района. А чем ближе друг к другу находятся контрагенты, тем менее вероятно, что они будут писать друг другу берестяные послания.

Проверить эту гипотезу путем подсчета конкретных грамот, к сожалению, невозможно: едва ли не в большинстве случаев из текста документа не ясно, откуда он был доставлен в то место, где его обнаружили археологи. Очень многие грамоты представляют собой образцы переписки не внутри Новгорода, но «между лицами, пребывавшими — временно или постоянно — вне Новгорода, и городскими усадьбами» [Гиппиус 2009: 296]. Лишь изредка можно говорить о том, что письмо было отправлено из одного новгородского района в другой. Но все же отмечу, что для XIII в. у нас есть, кажется, только один такой пример: грамота № 1055 (условная дата: 1260–1280 гг., адресована на Розважу улицу, в Неревский конец, но при этом, видимо, не отправлена, так как найдена на Рогатицком раскопе на Торговой стороне). Для XII в. подобных примеров несколько больше²⁰.

Итак, как представляется, кризис начала XIII в. затронул многие сферы новгородской жизни, а одним из его важнейших проявлений стало разобщение городских районов и ожесточение соперничества между ними. Это сказалось, в свою очередь, на катастрофическом уменьшении числа грамот на Троицком раскопе (вследствие разгрома соответствующей боярской группировки) и на некотором изменении характера новгородского летописания (вследствие соперничества за архиепископскую кафедру и иных политических факторов). Предположительно можно говорить о том, что уменьшение числа берестяных посланий на других, кроме Троицкого, раскопах тоже стало следствием разобщения городских концов.

¹⁹ Как указывает В. Л. Янин, даже топографически районы Новгорода в XII–XIII вв. еще были в значительной мере разделены незастроенным пространством [Янин 2008: 107–108].

²⁰ Й. Схакен, задавшийся вопросом о «межкончанской» переписке, указывает на грамоту № 954 (условная дата: 1120–1140 гг.), где упомянуто письмо «со одного полу», и уже упомянутую грамоту XIII в. № 1055 [Schaeken 2018: 23]. Предположительно «межкончанскими» являются письма № 115 и 118 (1180–1200 гг.); документ № 226 (1160–1180 гг.) адресован одновременно представителям двух концов [Schaeken 2012: 221, note 46]. Отмечу также, что в грамоте № 153 (Неревский раскоп, 1180–1200 гг.) предлагается отыскать Федора, живущего «во Славне», а в грамоте № 1113 (Дубошин раскоп, Торговая сторона, 1180–1200 гг.) содержится просьба сказать нечто женщине, находящейся на Рядятине улице (Людин конец).

ИСТОЧНИКИ

Древнерусские берестяные грамоты. [Электронный ресурс]. URL: www.gramoty.ru (дата обращения 25.08.2020)

НГБ VII — *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1962–1976 гг.). М.: Наука, 1978. 192 с.

НГБ IX — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). М.: Наука, 1993. 352 с.

НГБ XII — *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2015. Т. 12. 288 с.

НХЛ 1964 — *Тихомиров М. Н.* (ред.). Новгородская харатейная летопись. М.: Наука, 1964. 344 с.

НПЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 723 с.

ЛИТЕРАТУРА

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М.: Издательство АН СССР, 1963. 376 с.

Ворт Д. Берестяные грамоты во времени и пространстве // *Ворт Д.* Очерки по русской филологии. М.: Индрик, 2006. С. 242–253 (англ. оригинал опубли. в 1990 г.).

Гимон Т. В. Закономерности в освещении новгородскими летописцами XII–XIII вв. фактов церковного строительства // *Древнейшие государства Восточной Европы, 2000 г.: Проблемы источниковедения.* М.: Восточная литература, 2003. С. 326–345.

Гимон Т. В. Как велась новгородская погодная летопись в XII веке? // *Древнейшие государства Восточной Европы, 2003 год: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах.* М.: Восточная литература, 2005. С. 316–352.

Гимон Т. В. В каких случаях имена новгородцев попадали на страницы летописи (XII–XIII вв.)? // *Древнейшие государства Восточной Европы, 2004 год: Политические институты Древней Руси.* М.: Восточная литература, 2006а. С. 291–333.

Гимон Т. В. Новгородское летописание первой четверти XIII в.: хронология и процесс пополнения летописи // *Средневековая Русь.* М.: Индрик, 2006б. Вып. 6. С. 80–118.

Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. 689 с.

Гимон Т. В. Рубеж XII–XIII вв. в новгородском летописании // *Slovène: International Journal of Slavic Studies.* 2017. Т. 6, № 2. С. 163–187 (<http://slovene.ru/2017_2_Guimon.pdf>).

Гиппиус А. А. К характеристике новгородского владычного летописания XII–XIV вв. // *Великий Новгород в истории средневековой Европы: к 70-летию В. Л. Янина.* М.: Русские словари, 1999. С. 345–364.

Гиппиус А. А. О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII века // *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). М.: Русские словари, 2004. Т. 11. С. 164–182.

Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении). I // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 2004–2005.* М.: Древлехранилище, 2006. С. 114–251.

Гиппиус А. А. Наблюдения над этикетными формулами берестяных грамот // *Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: Сборник статей* М.: РГГУ, 2009. С. 279–300.

Гиппиус А. А. Соперничество городских концов как фактор культурной истории Новгорода XII–XIII вв. // *Споры о новгородском вече: Междисциплинарный диалог.* СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2012. С. 121–135.

Зализняк А. А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М.: Русские словари, 2000. С. 133–429.

Зализняк А. А. Древнерусская графика со смешением ъ-о и ъ-е // *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. С приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 577–612.

Коновалов А. А. Периодизация новгородских берестяных грамот и эволюция их содержания // Советская археология. 1966. № 2. С. 61–74.

Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. В. Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2001. 389 с.

Фроянов И. Я. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб.: Златоуст, 1995. 701 с.

Янин В. Л. Тихвинский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978. С. 117–134.

Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2003. 508 с.

Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 400 с.

Schaeken J. The Birchbark Documents in Time and Space — Revisited // Epigraphic Literacy and Christian Identity: Modes of Written Discourse in the Newly Christian European North. Turnhout: Brepols Publishers, 2012. P. 201–224.

Schaeken J. Voices on Birchbark: Everyday Communication in Medieval Russia. Leiden; Boston: Brill, 2018. 212 p.